

К 95-ЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЯ Ю. В. БОНДАРЕВА

Америка останется не оплаканной

В конце 90-х годов прошлого века состоялась моя беседа с писателем Ю. В. Бондаревым. Тогда ее опубликовать не удалось. Между тем, высказанные мысли выдающегося русского писателя-фронтовика, публициста и киносценариста нынче обрели еще более гжгучую актуальность на фоне мировых военных конфликтов, развязанных США, глобального финансово-экономического кризиса, западных антироссийских санкций и прочих опасных катаклизмов, грозящих существованию всех народов планеты и прежде всего России.

— Юрий Васильевич, Вы хорошо знаете быт и нравы Западного мира, в том числе США, бывали там, писали много о нем в своих книгах. Чаще всего говорят о кардинальной несовместимости американского и русского образа мысли и понимания смысла жизни.

— Как-то в печати мне встретилось откровение некогда популярного советского актера Савелия Крамарова, польстившегося на «золотой рай» американского образа жизни, но вскоре очень горько в нем разочаровавшегося: в Америке всюду деньги, деньги, деньги, всюду деньги — господа. А без денег жизнь плохая, не годится никуда... — Кое-что мы знаем о характере и душе русского человека, но знаем ли мы особенности американского мышления, которое не первый год внедряется в сознание людей, уже подчинив себе половину мира? Американский образ жизни? Не есть ли это при обеспеченности и сытости напряженная склонность к постоянным раздумьям о неустойчивости личного бытия — об ускользающем из рук долларе, о сроках кредитов, о каждодневных бытовых счетах, о налогах и неумолимых процентах, кои надобно платить в этой установленной законом жизни взаимности, ибо так живет все общество «благоденствия»?..

В роли приглашенных гостей несколько лет назад госдепартамент любезно предоставил трем советским писателям возможность познакомиться с американской действительностью вблизи, не ограничивая познания наши ничем, кроме южных штатов. В этом электрическом, сияющем и днем, и ночью Эдеме, среди стеклянных небоскребов Нью-Йорка и шестидесятиэтажных ошеломляющих башен Чикаго, в теплом поужному Лос-Анджелесе, в романтическом Сан-Франциско на берегу океана, в скучновато-сером Вашингтоне и стандартной Филадельфии происходили встречи с писателями (Стейнбек, Апдайк, Стоун, Чивер, Колдуэлл, Беллоу, Миллер, Олби), актерами кино и театров, режиссерами, студентами и профессорами главных университетов, верховными судьями, бизнесменами, миллионерами, денежной аристократией, могучими владыками несметного капитала и умопомрачительных состояний, встречи с негритянской интеллигенцией, фермерами,

рабочими на фордовских конвейерах Нью-Джерси.

И неустанно я пытался «докопаться», понять, проникнуть в смысл, загадку и суть этой заокеанской таинственной «страны Свободы», которая со школьных лет притягивала, влекла меня романами Джека Лондона, Митчелл, Бичер Стоу, Кэрвуда, Сетон-Томпсона, фильмами несравненного Чаплина, талантливейшей диснеевской мультипликацией, а позднее — романами Драйзера и Вулфа, прекрасными полотнонами жившего в Париже Уистлера и Сарджента.

И чем больше проходило встреч, тем в большую печаль познания впадал я, ибо одновременно с пышным зрелищным богатством разукрашенной государственной витрины, роскошью респектабельных магазинов, отполированных в граните и мраморе подъездов банкирского Уолл-стрита, лазурными бассейнами в виллах — на меня постепенно наплывала другая Америка, та, которая вызывала терпкую и унылую тревогу, разочарование и какую-то бесприютность среди через край показного изобилия, самопоклонения богатству и вульгарного самодовольства. И признаю: не возникло ни малейшего желания облететь вокруг статуи Свободы, в порывах забвения умиляясь прелестями невиданной демократии и правами человека.

Первое, что я понял в заокеанской стране: американская и русская цивилизации несовместимы, немислимо далеки друг от друга, неизмеримо противоположны. Русская цивилизация со всей её культурой, вариантами, вариациями, тонкостями и оттенками по сути своей вся сплошь духовная, то есть поднебесно-божественная, устремленная ввысь, напоминающая синюю музыку Вивальди. Американская цивилизация — сугубо приземлённая (несмотря на небоскребы), грубо материальная, прочного серого цвета, алчно-потребительская, так

как всё в ней направлено на беспощадную гонку потребления, на культ богатства, денежной силы, накопления любой ценой, стяжательства, чтобы выжить в этой бешеной гонке за выживание и необузданное накопительство... И в этом бездушном миропорядке человек есть машина для добывания денег, живая машина, неуклонно деградирующее и примитивно думающее существо: деньги, деньги, деньги. Культ богатства так же, как и культ насилия, всегда был чужд русскому человеку, самой природой наделенному совестью и состраданием.

— Американцами правят кумиры, созданные, как выражался выдающийся русский философ-эмигрант Иван Ильин, «мировой закулисой» и всеми средствами массовой информации. Журналисты западного мира, не смущаясь, бахвалятся: знаменитость-кумир делается ими в течение 48 часов. И примечательно то, что 80 процентов американцев не имеют своей точки зрения и повторяют мысли, продуманно-упрежденно заготовленные «закулисой»...

— Абсолютное большинство американских обывателей не читает книг, за исключением, пожалуй, детективных серий, что отнюдь не считается зазорным. До первой моей сокрушительной печали познания я, несправимый скептик, подозрительно проверял и взвешивал все, что слышал, знал и читал об Америке, и сначала, чистосердечно признаюсь, подвергал сомнению жесткое неприятие этой неординарной страны Эмерсоном, Торо, Кнутом Гамсуном, Голсуорси, Киплингем, Горьким, Ивлином Во, Фолкнером. И, уже опираясь на собственный опыт, я мало-помалу стал соглашаться с почтенными мыслителями и пронизательными художниками, увидевшими в «средневековом могуществе денег» (К. Гамсун) все пороки, все изъяны буржуазной демократии с ее жестокой амбициозностью.

(Продолжение на стр. 2)

ПАНОРАМА

Творческий вечер Николая Зиновьева

В литературной гостиной Краснодарской краевой универсальной научной библиотеке им. А. С. Пушкина состоялась встреча членов клуба творческой интеллигенции Кубани «Возрождение» и специалистов краевых библиотек с одним из самых известных и авторитетных поэтов Краснодарского края Николаем Александровичем Зиновьевым.

Почетным гостем мероприятия стала министр культуры Краснодарского края заслуженный работник культуры Кубани Виктория Юрьевна Лапина. В своей приветственной речи глава ведомства отметила, что творчество Николая Александровича высоко ценит губернатор Кубани Вениамин Иванович Кондратьев, «стихи Николая Зи-

новьева для меня — подчеркнула министр культуры региона — это книга жизни. Они немногословны, но благодаря таланту поэта наполнены множеством смыслов и ценностей. Конечно, мы используем все возможности, чтобы и дальше поддерживать нашего земляка и его творчество».

Стихи поэта прозвучали в исполнении заслуженного артиста России Анатолия Бородин и артиста Евгения Женихова. Творческую встречу сопровождали классические музыкальные произведения в исполнении камерного оркестра «Благовест» и саксофониста Александра Журавлёва. В завершении встречи поэт ответил на вопросы аудитории.

Н. А. Зиновьев — член Союза писателей России (1993). Входит в состав правления Союза писателей России (с 2009). Лауреат многих престижных литературных премий и конкурсов, в том числе Бунинской премии (2017), Международной открытой литературной премии «Куликово поле» (2014), Всероссийской православно-литературной премии им. Александра Невского (2010), «Большой литературной премии» Союза писателей России (2004), премии «Литературной газеты» имени Антона Дельвига (2007), литературно-театральной премии им. Виктора Розова «Хрустальная роза» (2008).

Творчество Н. А. Зиновьева дважды отмечено премией администрации Краснодарского края в области науки, образования и

культуры. В 2010 г. Николай Александрович награжден медалью «За выдающийся вклад в развитие Кубани».

В Пушкинской библиотеке состоялся литературный поединок

Накануне 182-й годовщины смерти А. С. Пушкина в Краснодарской краевой универсальной научной библиотеке, которая носит имя поэта, состоялась музыкально-поэтическая дуэль «Невольник чести».

Встреча, подготовленная библиотечкой совместно с региональными отделениями Союза писателей России и Союза россий-

ских писателей, была посвящена дуэльной истории великого поэта.

Сотрудники библиотеки предложили вниманию читателей и поклонникам творчества А. С. Пушкина поэтическую дуэль — способ «выяснить отношения», полагаясь лишь на талант и профессиональный навык. Секундантами выступили председатели писательских Союзов С. Н. Макарова-Гриценко (КРО СПР) и Л. И. Новосельская (КРО СПР), а дуэлянтами — молодые амбициозные поэты.

Литературный поединок призван способствовать объединению кубанских мастеров слова в живом диалоге и поиску компромисса во взглядах на жизнь и творчество гения.

В рамках проекта гостям мероприятия была представлена книжная выставка «Бессмертен тот, чья муза до конца добру и красоте не изменяла...». Экспозиция раскрыла небольшую часть фонда библиотеки, касающуюся Пушкинианы в литературе и искусстве. Читателей познакомили с редкими изданиями, иллюстрированными известными художниками, с многотомными изданиями сочинений поэта, Пушкинскими и Онегинскими энциклопедиями, различными монографиями.

В мероприятии приняли участие литераторы Кубани, а также студенты и преподаватели консерватории Краснодарского государственного института культуры.

К 95-ЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЯ Ю. В. БОНДАРЕВА

Америка останется не оплаканной

(Окончание. Начало на стр. 1)

Где правит никак уж не народ, ибо свобода и равенство всех в обществе денежной диктатуры – смехотворны, лживы, иллюзорны, следовательно, благостное согласие между людьми невозможно, оно невероятно далеко от реальности, в которой вместе с владыкой долларом царят скользкое лицемерие, усмехающееся ханжество, ограниченность, беззащитный цинизм, сытое довольство, примитивность силы. Аргумент разрывной пули, расистская напряженность (белые–негры–мексиканцы–пуэрториканцы), прикрытая бахвальством фальшивой нерушимости Соединенных Штатов под звездно-полосатым флагом.

Под этим дорогим покрывалом мне бросились в глаза ещё две черты Америки: здесь притворяются, что не «янки» пролили море крови, уничтожая индейцев, и здесь жестоко не любят, презирают, даже преследуют бедных, неудачливых людей – ничего не добился, не сумел сделать деньги, стало быть, виновен во всем. Когда я думал о захвате богатейших индейских земель и об этом гонении за бедность, приходили на память разительные суждения мудрецов о том, что в истоках каждого богатства лежит то или иное преступление. Преступление американцев перед коренным населением страны неоскупиимо!..

– Ваши пронизательные наблюдения и умозаключения подтверждаются ранее высказанными словами мудрого американского прозаика Фолкнера: «... Мы отказались от смысла, который наши отцы вкладывали в слова «свобода и независимость», смысла, превращенного нами в наше время в пустой звук». Или: «... Может быть совершенно любое действие, лишь бы оно освещалось выхолащенным словом «свобода». Или, наконец: «Если мы в Америке дошли в развитии нашей безнадежной культуры до того, что вынуждены убивать детей, каковы бы на то ни были причины, или какой бы ни был цвет их кожи, мы заслуживаем гибели и, очевидно, погибнем»...

– Всецело разделяю апокалиптический прогноз Фолкнера. В те мои американские дни я пришел к убеждению, что внешне прочная заокеанская опора Золотого Тельца – это Вавилонская башня, уже испытывающая толчки перед надвигающимся на континент землетрясением. Американская военизированная империя древнеримского подобия времен упадка, жадно заглатывающая в себя более половины чужеземного сырья. Задавившая мир своими купюрами, обеспеченными, кстати, лишь пятью процентами от номинальной стоимости, не выдержит, рухнет, рассыплется, как песчаная пирамида, при обрушившемся планетарном экономическом и национальном катаклизме под тяжестью необеспеченных бумажных банкнот и под изжигающей ненавистью поставленных на колени голодных народов. После Второй мировой войны Америка принесла всему миру столько военных и экономических бед (Филиппины, Корея, Лаос, Панама, Вьетнам, Камбоджа, Ливан, Гренада, Ливия, опять Панама, Ирак, Сомали, Югославия, опять Ирак, Сербия) – можно ли говорить о «сатрапстве», о ненасильственном сопротивлении «демократических» США, что внушают ограбленным и окровавленным странам американские миссионеры, виртуозно выученные в специальных школах. Америка уже давно превратилась в гигантского клеща на теле человечества, и чем больше бедствуют и нищают зависимые от нее народы, тем богаче и жирнее становится империя, и тем жаднее высасывает она последние соки.

– Но военное и экономическое поражение неизбежно рождает рано или поздно пробуждение национального самосознания и ответное насилие против насилия. И тогда уже невозможно будет построить ложный мост мало-мальского согласия ни под эгидой бессильной ООН, ни под коварной силой НАТО. Измученные долгой пыткой народы, вырвавшиеся из смертельно острых когтей Америки, ни единой слезинкой

не пожалуют о ее крахе и падении. Что же ждет Америку – Страшный суд или новый Нюрнбергский процесс, на котором вспомнят о Хиросиме и Нагасаки, о массовом уничтожении мирного населения?..

– Америка останется неоправданной и не оплаканной. Так не оплаканной осталась Древнеримская империя, столетия питавшаяся человеческой плотью, сосавшая кровь завоеванных провинций. Но Древнеримская империя щедро оставила после себя знаменитое римское право, культуру слова, философию, ораторское искусство, мастерство архитектуры и вааяния, став преемницей греческой культуры.

Какое наследство оставит людям империя Америки? Технологию производства, которое породило индустриальное убийство жизни (40 процентов всех загрязнений на земле), отравленные воздух, вода, загрязненные города, радиоактивные отходы и, как следствие, неизлечимые болезни. Подоблачные небоскребы, которые вряд ли сделали жизнь ньюйоркцев счастливее, вряд ли в их души вселили духовное начало и сделали цивилизацию духовной средой, а прагматично одномерный характер американца интереснее и глубже. Что еще? Вереницу президентов, напоминающих восковых кукол с одинаковыми застывшими улыбками, позами и жестами. Наконец – «демократию» и «равенство» возможностей. Нужно ли об этом всерьез говорить, коли политика имеет долларовую цену, вся без колебаний продается – и разум, и способности: души людей чинично отданы этой купленной политике, желтому дьяволу. Но, быть может, засияет в веках бесценным алмазом культура Нового Света? Неоспоримо оставят о себе память несколько хороших писателей, ученых, кинорежиссеров, актеров, несколько незаурядных архитекторов европейского происхождения, а рядом, вперемежку с изделиями пошлейшей «масскультуры» будут стоять позорными знаками самая грязная порнография, распространявшаяся по всему свету подобно СПИДУ с маркой «Made in USA».

Что даст человечеству такое наследство? Америка – это эволюция от республики к империи зла со своей большой идеей американской исключительности, которая гибельна для цивилизаций Западной Европы, России и Азии.

Надо заметить, прогрессивная мировая общественность наконец-то осознала гибельную опасность всеразрушающего воздействия американских «цивилизаторов». Некогда бывшая центром европейской культуры, художественного вкуса и моды Франция первой начала сопротивляться оккупации американизма в эпоху здравомыслия де Голля. Это было сопротивление засилью американской музыки, кинематографа, комиксов, детских игрушек – сопротивление шло не всегда успешно, но оно продолжается по сей день. Германия кое-как удерживает всё слабееющие с каждым днем традиционные немецкие позиции. Англия, известная консервативной национальной щепетильностью, изысканным альбионством, почти снобизмом, в последние годы утратила былую любовь к собственной старине, викторианскому духу, историческим традициям и заговорила «по-американски».

– Американская доктрина примитивизации сознания имеет глобальную цель – подвести мировую культуру к общему знаменателю. То есть создать всемирную империю дебилов, покорных рабов, которым голова нужна как необходимость для ношения шляп и модных причёсок, а цивилизация выражается в умении употреблять туалетную бумагу! А что же мы, Россия?..

– К огорчителю сожалению, мы существуем в дурном анекдоте, выражаясь мягко. Накануне своей отставки премьер-министр Черномырдин, человек сверх красноречивый, говорящий, по его же утверждению, не на русском, а на «российском языке», стало быть, лингвист, сделавший открытие этого нового языка, поразил нас прямо-таки обвальным патриотизмом. Не-

обузданной любовью к России. Во время пребывания в Америке Черномырдин в разговоре с вице-президентом США Гором зашелся от сладостного восторга, дрожащим голосом вознося хвалебные молитвы американскому образу жизни, американской культуре и, конечно, давно канувшей в Лету американской точности. Вместе с тем, намеренно сверкая глазами и впадая в гнев, он обратил свое неудовольствие против России, против им же, Черномырдиным, разрушенного и замороженного производства (25 миллионов безработных!), против обманутого и обнищавшего народа, не умеющего, мол, работать, «вкальывать», а создающего только беспорядок и хаос. Этот народ не понимает, что строится «народный капитализм», а всё «буровит, буровит» всякие «измы», в то время как «80 лет изгоняли призрак»: «Работать надо, а не буровить». Как всегда, Черномырдин убедительно живописен, поэтому, как говорится,

всё кричало, и всё торчало в его подобострастной и гневной самобичующей речи; ясно было видно и оглушительно слышно, как он хотел понравиться Америке, как он лакейски ползал на коленях, заискивал перед Гором, этот неуклюжий даже в лести человек. Страстность его речи, разумеется, должна простить ему внезапные провалы памяти. Он невзначай запечатывал, что всё крупнейшее богатство России – заводы, гигантские комбинаты, жилые дома, дворцы культуры, университеты, школы, нефтяные и газовые промыслы, шахты, рудники, военная промышленность, космическая наука, несравненное искусство и литература – всё это было делом гения, таланта, умения, изобретательского разума и рук этих якобы не умеющих работать русских. Прискорбно несостоятельные «демократы» за годы своего бесславного правления не создали ничего, кроме пустого шума и ложных поз. Они жили и живут нескончаемым грабежом российских богатств, накопленных и созданных не умом «реформаторов», а Советской властью и социализмом (вот они, «измы», господин-патриот Черномырдин).

– Однако, Юрий Васильевич, с большой горечью не имею права не сказать, что несколько лет назад у русских стало очень заметно снижение чувства принадлежности к своей нации, чувства самосознания и воли, что прежде так ослепительно вспыхивало среди нашего народа в годы несчастий и бед. Не преобладает ли ныне давнее «двоеверие народа и наивность и славянская бестолковая доброта, голубиное сердце и доверчивость, и всеотсутствие змеиной печени – отчего вечно погибает русский народ?» Так со своей искренностью размышлял в письме к Тургеневу В. Стасов – истинный патриот России, поборник русского реализма, независимо мыслящий критик, прославленный идеолог «Могучей кучки» и Товарищества передвижников, даровитейших живописцев, будущей славы России.

– Читая Стасова и соглашаясь с ним, я думаю о судьбе, о звездных годах нашего народа, которому ненавистна стоическая

любовь к року, о чем говорит вся история наша, ненавистное и бесстрастное отношение к трагическим периодам жизни. И я опять возвращаюсь к наивысшему человеческому терпению и мужеству – к незабвенному Сталинграду, всемирного значения подвигу, который ждет Россию и униженный мир. В истории нет места для положительного «если бы». Но все-таки – если бы пал Сталинград и пала Россия, то через короткое время пала бы и высокомерная самообожжаемая Америка. Нетвердая солдатским духом, мало испытанная выдержкой и огнем, она не вынесла бы наступательного натиска мощной немецкой армии. Поэтому подвиг воображаемого на земле Америки Сталинграда предстает в самом тщательном усилении фантазии невозможно. Стоит лишь вспомнить вялые бои с японцами на островах в Тихом океане и постыдное бегство в Арденнах на исходе войны, при полном перевесе союзнических сил.

– И все-таки я спрашиваю: остались ли в России природы сильные, цельные, подлинно народные? Бросается в глаза, что иные самозванные политики мелкого калибра приспосабливаются к любому строю, но ничего не строят, они вроде бы нацелены решать все конфликты, но не решают ни одного. Таким образом, страна поставлена в сверхкризисное положение – «быть или не быть»...

– Тем не менее, надо прекратить апокалиптические вопли и нытье! Плач оскорбляет трезвое мышление и ослабляет волю. Много в жизни изломано, исковеркано, сознание иных одурманено и опустошено. Но, Бог милостив, еще не повреждена полностью душа нации, душа лучших ее людей – и в этом надежда на сопротивление насилию геноцида. И я верю, страстно верю, что надежды не останутся облегчающими снами бодрствующих. Ничем не поколеблена вечная истина: всему на белом свете бывает конец, всему время и место. То, что сегодня властвовало на земле, в самодовольстве и самопоклонении торжествовало, кроваво судило, подчиняло вооруженной силой, подкупом и лестью, управляло судьбами миллионов людей, подобно империи Древнего Рима, завтра – в развалинах, ржавчине и пепле, заносимое безразличными к истории песками, уже безжизненно, мертво, и вокруг нет оплакивающих. Этот призрак исхода маячит и на берегах Тихого океана. Пока еще сильная Америка вступила в свой последний древнеримский фазис, после которого – пустыня, ничто, вездесидящее вставшего с колен мира.

– Глобальное сокрушение Америке пророчат и всевозможные оракулы-прорицатели. Однако их прогнозы, идеалистические, конечно, в своей основе, зачастую и не сбываются...

– Исходя из многочисленных экономических, политических и главным образом нравственных посылок, я глубоко верю предсказаниям ясновидцев, что Америка, сотни лет продуманно ослаблявшая и разрушавшая весь мир и Россию, сама падёт, исчезнет как империя с политической карты планеты, разорвется в ближайшие десятилетия на север и юг, по штатам, искусственно и насильственно соединенным, на «Латинский Техас и протестантский расудительный Восток» или станет «негро-латинской Америкой». В каждом нечестивом господстве над миром и человеком заложено сокрушительное поражение – история повторяется, как дурной сон...

– Наверное, грешно так говорить и даже думать, но, право, как хотелось бы увидеть искаженные ужасом лица американцев, оглушенных взрывами ракет мщения на земле истощенного глупостью Клин тона. Неужто не будет справедливого отмщения этой стране? И за Югославию, и за Сербию, и за Ирак, и еще за многое, многое, многое...

– Рано торжествовать победу и пожимать друг другу руки с гауляйтерскими улыбками завоевателей мира. В каждом нечестивом успехе, где льется человеческая кровь и слышен плач детей, заложено сокрушительное поражение. Не мной открыто.

Беседовал Владимир Юдин,
г. Тверь

ПУШКИНСКИЕ ДНИ

ЕДИНАЯ ЦЕПЬ

Галина Кондакова,
Курганинск

Знакомая с биографией А. С. Пушкина на экскурсиях по Пушкинским местам, в прочитанных книгах и в документальных исследованиях или газетных статьях, встретила единогодушный «хор» всех авторов, воспевающих няню поэта, Ирину Родионовну. Этот факт закономерен – она была не только няней, заменившей младенцу-Пушкину кормящую мать, сиделку, воспитательницу. А было главное – в ее сердце и душе, где хранился «кладезь» добросердия, отзывчивости, такта, понимания и верности. То, чего не хватало мальчику в отношениях с родителями, ему дарила неграмотная няня. Она его пестовала, кормила, пеняла, успокаивала и защищала от «холода» в семье. И он платил ей сыновьей любовью. Но было в няне его еще то, что не каждому дано иметь: житейская мудрость и «хранилище» в голове народных песен, сказок, пословиц, поговорок.

...Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шёпотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
А. Пушкин

Народную мудрость и образность русского языка подарила няня поэту, а с ними в его память и кровь вошли понятия: Добро, Верность, Дружба, Честь, Родина, Благодарность и Память.

Повзрослев, он увековечил память няни, создав поэтический цикл своих сказок и песен на основе ее народных сказаний и песен.

В пору испытаний и в годы ссылки в Михайловское Пушкин оценил Арину Родионовну в полной мере. В то время она была рядом не с мальчиком Сашей, а с Александром Сергеевичем, но любила его по-прежнему, а может быть и больше. Она понимала: ему тяжело – ссылка, одиночество, «бешенство скуки». И, как могла, успокаивала, подбадривала, вселяла надежду.

... Бывало,
Ее простые речи и советы
И полные любви укоризны
Усталое мне сердце ободрали

Отрадой тихой...
А. Пушкин

Уверена, что «метой счастья» отмечены те люди, кто в детстве воспитывался такой няней или бабушкой. В них, бабушках, отражена жизнь другой эпохи, которая отмечена другими законами, правилами жизни, другими сказками и песнями. А путь ее внуков ведет в новые времена. Таким образом, бабушки – тот «живой мосток» между прошлым и будущим, с помощью которого и зарождается, и развивается новая жизнь, и прокладывается дорога в будущее. Нелегко расставаться с такими бабушками...

Пушкин всю жизнь помнил, как царь выговаривал няньке, Арине Родионовне, что она, встретив его на прогулке с годовалым Сашей Пушкиным, не успела снять с его головы картуз. И кто только потом ни выговаривал и ни наставлял Пушкина в его взрослой жизни! Если Павел I обошелся с ребенком только выговором няне, то Александр I «осчастливил» поэта ссылкой, а Николай I одарил его такими «милостями», от которых он чувствовал себя «заключенным в клетку». Во всех тревожных жизненных ситуациях спасительницей и утешительницей с ее очистительной силой были для Александра Пушкина его бабушка и нянюшка, да дядька, а развитие событий во времени шло по спирали.

Пружина жизни крепче все сжималась
Вокруг него, вдруг стало нечем и дышать
От царских милостей, и жалость
В глазах знакомцев начал он читать...
Г. Кондакова. «Разговор с Пушкиным»
Память часто возвращала Пушкина к порогу детства, к таинственной тишине кабинета отца с рядами книг на полках, к

бабушке Марии Алексеевне, к веселому дядьке Козлову, к доброй нянюшке... И путь в литературу у Пушкина начался в детстве, когда он с жадностью осваивал таинственный мир сказок, «путешествовал» с дядькой Козловым по памятным местам Москвы; открывал тайны природы и жизни. Бывая с родителями в деревне Захарово, он посещал поместья Голицыных и Юсуповых. Первые радости и потрясения в жизни ребенка-Пушкина не забудутся им никогда.

В плане своей автобиографии юный Пушкин записал: «Первые впечатления. Юсупов сад. Землетрясение. Няня». Эти первые впечатления сохранились в памяти двух-трехлетнего малыша. Это прогулки с няней в прекрасном Юсуповом саду с фонтанами и дремлющим озером, с таинственными парковыми дорожками и беседками, со старинными статуями, привезенными Юсуповым из Неаполя и Венеции. И вдруг... одна из статуй покачнулась, точно ожив, «шагнула» к мальчику. И он вспомнил этот случай, когда повзрослел. Он узнал тогда, что в 1802 году в Москве случилось землетрясение... Он не только не забыл этот случай, но и оживил статую Командора в своем произведении «Дон Жуан».

А дальше в плане автобиографии следуют другие короткие записи: «Отъезд матери в деревню. Первые неприятности. – Гувернантки». Через строку снова напишет: «Мои неприятные воспоминания» и «Нестерпимое состояние».

Из этих записок можно сделать заключение, что Пушкин не ощутил в невозвратимой поре детства нежной любви матери, не получил верной и надежной мужской опоры. Родители жили во власти законов светского общества, доверив воспитание

детей гувернерам и гувернанткам. Быт их не волновал. И жизнь семьи с постоянными переездами на новые съемные квартиры была неудобной и неустроенной. За годы, выпавшие на детство Пушкина (до отъезда в Лицей), родители сменили двенадцать квартир. Роскошество соседствовало с бедностью. И самое главное – не было своего дома-крепости, не было уюта и тепла, как и не было настоящих друзей. Но были светские знакомые, а отношения измерялись «весом» в обществе.

Надежда Осиповна стыдилась своих многочисленных родственников-арапов, которые служили «на запятках» карет петербургских вельмож. Мальчик рано обратил внимание на незримую границу жизни между господами и «людской» (слугами). По обе стороны этой границы и говорили на разных языках: на одной – по-французски, на другой – по-русски. На барской половине все подчинено веянию моды и света, другая половина жила своим нелегким трудом так, как жили предки и как будут жить потомки, сохраняя народные обычаи, традиции, сказки, песни, – то, что составляет историю русского народа. Вот откуда «русскость» в творчестве... Из его детства!

В вихрях светской жизни, балов и развлечений родители почти не замечали Александра, не понимали его поведения, всплески то неудержимого веселья, то отталкивающего молчания. При малейших жалобах гувернеров и гувернанток Надежда Осиповна жестоко наказывала сына. Окружающие и родители не понимали, что мальчишка переживал тот возраст, когда он неустанно вбирал в себя, как губка, весь окружающий мир и был целиком поглощен этим великим трудом.

Счастье все-таки не прошло мимо его детства. Оно одарило его людьми понимающими, то есть способными проникнуть в душу другого, и одаренными талантом и нравственной щедростью. В пушкинском детстве это были бабушка Мария Алексеевна Ганнибал, няня Арина Родионовна, дядька Никита Козлов и сестра Ольга с братом Левушкой.

ПАНОРАМА

«Владел штыком, и плугом, и пером...»

Краснодарская краевая юношеская библиотека имени И. Ф. Вараввы при поддержке министерства культуры Краснодарского края провела традиционные, уже седьмые по счету Вараввинские чтения. Тема нынешнего года – «Владел штыком, и плугом, и пером...».

Чтения были посвящены памяти и 94-летию со дня рождения фронтовика, Героя труда Кубани, почетного гражданина Краснодарского края, казачьего полковника, кубанского поэта, драматурга, собирателя фольклора, литературного переводчика, Народного поэта Адыгеи, лауреата многих литературных премий Ивана Федоровича Вараввы.

В Чтениях приняли участие известные писатели, поэты, композиторы, представители кубанского казачества, артисты, родственники, друзья Ивана Вараввы, библиотечные специалисты и молодые читатели библиотек края – любители словесности из всех уголков нашего региона, кому близко и дорого поэтическое наследие кубанского кобзаря.

Открыла Чтения директор ККЮБ Юлия Нардид, вступительное слово которой предваряли самые юные почитатели творчества И. Ф. Вараввы – воспитанники краснодарского детского сада № 93, выступившие с музыкально-поэтическим монтажом.

Затем последовало видеовключение из Детройта (США) – ныне проживающая там внучка Ивана Вараввы Мария рассказала о дедушке, остановилась на теме поэта и гражданина в его творчестве.

О вкладе И. Ф. Вараввы в сохранение и развитие современного литературного языка говорила председатель Краснодарского регионального отделения Союза писа-

телей России С. Н. Макарова-Гриценко, выступившая с докладом «Победные гимны кубанского кобзаря».

О песенном творчестве поэта рассказал доктор педагогических наук, композитор Б. М. Целковников, а его именитый коллега, председатель Краснодарского краевого отделения Союза композиторов России В. А. Чернявский исполнил отрывок из оперы «Казачий кордон», которую он написал по мотивам комедии Ивана Вараввы «Хорош дом, да морока в нем».

О том, как бережно земляки относятся к творческому наследию И. Ф. Вараввы, говорила Н. В. Ламосова, и.о. заведующей отделом «Литературного музея Кубани» Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына.

Все выступавшие на Чтениях еще раз вспомнили веши яркой и многогранной творческой биографии Ивана Вараввы, его высокие человеческие качества – поэта, гражданина, наставника юных дарований, отмечали тот огромный вклад, который неутомимый труженик внес в расцвет культуры нашего края и Отечества.

Огромную работу по увековечиванию памяти И. Ф. Вараввы ведет носящая его имя краевая юношеская библиотека, о чем еще раз засвидетельствовали глубокие доклады о различных аспектах творчества кубанского кобзаря, которые подготовили специалисты Т. А. Штейник, О. М. Солдатенко, Е. В. Сеницына и А. В. Заремба. Немалый интерес и много вопросов у гостей Чтений вызвала презентация интерактивной выставки-аудиогид о жизни и творчестве Ивана Вараввы, подготовленная специалистом ККЮБ Р. С. Быковым.

В рамках Чтений был дан старт Межрегиональному литературному фестивалю «Хранители литературной славы казака и поэта Ивана Вараввы» (2019-2020), посвященному 95-летию со дня рождения И. Ф. Вараввы и 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Несомненно, VII Вараввинские чтения дадут новый им-

пульс большой работе, которую проводят библиотеки края по духовно-нравственному воспитанию юных граждан, привлечению их к чтению, к глубокому познанию яркой и героической истории Кубани и Отечества, по популяризации творчества нашего великого земляка – И. Ф. Вараввы.

«Авангард» представил новый литературный сборник

В каминном зале Центра культуры «Родина» состоялась презентация новой антологии «Осязаемая реальность», которую подготовили участники анапского молодежного литературно-художественного объединения «Авангард».

Сборник является своеобразным отчетом о деятельности литобъединения за последние два года. За это время у его участников выходили собственные книги, их произведения побеждали во всероссийских и региональных литературных конкурсах, публиковались в журналах и альманахах.

В «Осязаемую реальность» вошли произведения как опытных, добившихся признания авторов, так и тех, кто делает первые шаги на литературном поприще. Для многих публикация стала дебютом.

В рамках презентации перед зрителями выступили члены профессиональных творческих союзов Ирина Ивасьева, Ольга Хомич-Журавлева, Сергей Левин, Татьяна Ефимова и другие. Звучали песни, стихи и фрагменты прозы, многие зрители выразили слова благодарности молодым авторам за работу по популяризации литературы, которую они ведут.

ЮБИЛЕЙ

В Санкт-Петербургском издательстве «Дари книги» готовится к выходу в свет сборник стихов Сергея Тимшина «Зори дикоросные». В новую книгу поэта, приуроченную к его 60-летнему юбилею, вошли стихи, написанные на любимой автором Кубани, и включают в себя 12-летний отрезок времени после 20-летней разлуки с краем. В пяти условных разделах, преобладают пейзажная и философская лирика. Завершает издание подборка стихов для детей «Гулливвер и лилипут».

Предисловие к книге написал известный кубанский писатель Николай Ивеншев.

Редакция газеты «Кубанский писатель» поздравляет Сергея Борисовича Тимшина с юбилеем!

понял, что ему бы выкинуть надо все эти приспособления для памяти: потому как, то, что он делает в стихах, значительно прочнее и ярче.

Да он поёт «оду огороду», да это же хорошо. У него зори разные, рясные и ясные. В стихах у Сергея Тимшина много музыки, которую критики зовут аллитерацией. Но и это все румяна – а свойство настоящего поэта быть добрым, снисходительным, подтрунивающим над собой. Ни у кого я не слышал такой ершистой нежности как даже комару:

От жары колыхет маревом
Атмосферные слои.
А в тени сидят комарики –
Кровососики мои,
Неподвижны и безропотны –
Притворились, будто спят,
И чувствительные хоботы
Укороченно висят...

А? Это ли не поэзия?

Впрочем, поэт выметает этих вампиров на нещадную жару. А то бы это как-то мы не так поняли. Эта жизненная философия.

По этой самой философии очарованный странник, вольготно ютясь в станице Гривенской, и вбирает свет «из поднебесья, сладостно вдыхает синь и высоту...»

И нам с вами дает полюбоваться горным миром, миром дикоросных трав.

Николай Ивеншев, лауреат премии им. Антона Дельвига («Литературная газета»), международной премии «Душа прикоснулась к душе» и других.

Руками можно подносить курицу ко рту и рыбу. Но вот музыку нельзя взять руками, да и по заключению великого врачевателя А. С. Пушкина невозможно поверить ее алгеброй. Так же нет никаких сил и возможностей объяснить поэзию. Можно, конечно, ухватить её за крылышко, но тут же золотая пыльца, то на чем она держится, осыплется, облетит.

По этой причине я не могу толковать стихи этой книги поэта. Стихи – состоят из двух слагаемых – из стихии и личного местоимения «Я». Это личное местоимение, притворившись Сергеем Тимшиным, написало довольно стихийно сей сборник.

Могу сказать со стопроцентной точностью, что Сергей Тимшин, осевший в раздольной станице Гривенской, стопроцентный лирик. Его закаты и рассветы, его облака и травы узнаваемы «лица необщим выражением».

Тимшин числит себя и заявляет о себе близким родственником героев «Алых Парусов» Александра Грина. И не надо просить предъявить документы. Это так. Ибо Тимшин романтик, не припудренный и подурмяненный, а чистый и свежий, как

ЗАЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК

глоток колодезной воды. Его поэзия такова. Попробуйте – узнаете.

В наше далеко не рыцарское время, каждый, кого-то и что-то стремиться обличить и уличить. А ведь это злопыхательство портит кровь и рассыпает печень.

Лишь лирика целебна. Старший современник Тимшина Андрей Вознесенский заявил: «Мы тянемся к стихам, как к травам от цинги»

Тянемся ли? А надо! Попробуйте почитать поэта Тимшина:

« В местности этой, где лопухи
Дарят ежам приют,
Гребни макают в зарю петухи
И о любви поют...»

Город – громовежнец. А здесь спрятавшийся за лопух уморительно дремлющий ёжик да русская певчая птица петух. Как

мило и как страстно!

И надо сказать, что очень все привязано к месту. Название одного из стихотворений «Кошенята». Не котята, а именно «Кошенята». Так говорят здесь в «зорях дикоросных». И это милое искажение, эта изюмина языка, приятно ласкает сердце читающего.

Сергей Тимшин – странник, как великие его предводители Есенин, Рубцов, Франсуа Вийон, Гарсиа Лорка. Он пол-России исходил и изъездил. И везде фотографировал своим специальным глазом чувства, которые рождает природа и люди.

Я увидел его впервые с какими-то техническими премудростями вроде звукозаписи. «Зачем это все, – подумалось тогда. – Зачем мы из звуков и родных пейзажей делаем консервы посредством фотоаппарата и магнитофона. Не то, не то, не то!». И лишь, прочитав стихи Сергея Тимшина в звездной паутине интернета,

ПОЭЗИЯ

ПЕРЕД РАССТАВАНЬЕМ...

Дни летят – не поспеть стихам
Вслед за ними в неравном споре...
Вот и аисты к облакам
Перелётным умчатся вскоре.
Зореклювые вы мои
Други строгого оперенья,
Заберите с собою и
Хоть две строчки стихотворенья!
Чтоб в угандовских вечерах,
Или в тёплой индийской рани,
Возникла вам в дрёмах-снах
Колыбельная песнь Кубани.
Чтоб в Отчизну, где марта синь
Разольётся по лужам-блюдцам,
Вы из райских своих чужбин
Не забыли ко мне вернуться...

В час сиреневый, воскресный,
Птицам певчим в унисон,
Нашу тихую окрестность
Пробуждает чудный звон.

Расплываясь до околиц,
Золотист, как солнца луч,
Звон медовый колокольный
Осязаем и тягуч.

Он плывёт волнообразно,
Чуть качая облака,
И в душе моей согласной
Возрождаются века...

Сколько ж канувших рассветов,
Сколько дум, сердец и глаз
Наполнял целебный этот
Колокольный Божий глас!

Этот звон – небесный, вящий -
Каждой клеточкой приму!
И на аистовой башне
Внемлют аисты ему.

ЗОРИ ДИКОРΟΣНЫЕ

В местности этой, где лопухи
Дарят ежам приют,
Гребни макают в зарю петухи
И о любви поют.
Здесь, где безвыходно замкнут круг

Вздорной судьбы твоей,
Солнечно сочен гусиный лук,
Конский упруг щавель.

Мир дикоросов и сорняков -
Это ль душе не рай?
Росы для взращивания стихов
В пригоршни набирай!
И не пеняй на бессрочный срок,
Голос поэта прав:
Лучшие из стихотворных строк
Всходят меж сорных трав!

ВОРОНИЙ ГРАЙ

А вороны – цыгане птичьи -
Шумным табором объявьясь,
Оживили пейзаж станичный,
Раздербанили сны хозяйств.
Чернокрылы и чернооки –
Несусветный подняли грай,
От которого кособокий,
Аж приплясывает сарай!
Да хатёнка моя жилия,
Очумев, как в печном дыму,
И, сама того не желая,
Подтанцовывает ему.

...Ох, избушка на ножках курьих,
Ради бога, не развались!
Я ведь тоже, сказать культурно,
Старый пёс, а не старый лис,
И, конечно, немножко лошадь
На кадастровом острове,
Где, единственная жилплощадь,
Ты – синица в моей руке...

Но – вороны! Какие пляски,
И какой забубённый грай -
Триста лет после этой сказки
Не захочешь в библейский рай!

УТРЕННИЕ СОЛНЫШКИ

Ярко солнечно в станице,
Хоть вокруг ещё не март,
И восторженные птицы
О весеннем говорят.

И блестят деревьев ветки,
Омываясь новизной.
И ступают в школу детки
С рюкзачками за спиной.

Мальчуганы и девчонки -
Золотая малышня -
Уважительно и звонко:
«Здрасьте!» – чествуют меня.

Человечки дорогие -
Свет мне в позднем феврале,
Дай вам Бог в тепле и мире
Жить на завтрашней земле!

ГОРНОСТАЙКА

(В день первого снега)

Не снегири рассвет
Вдруг озарили стайкой,
Это явила свет
Женщина-горностайка!

Это чаруют взор
Глазки её и губки,
Это пленит простор
Грация в белой шубке!

Молча люблюсь вслед,
Светлой душой тоскую:
Я не охотник, нет,
Мне бы – на жизнь такую!

Словно ревнивый пёс,
Чтоб охранять и греться,
Я бы её занёс
В Красную книгу сердца!

Но, не моя жена,
Статью своей блистая,
Принадлежит она
Гордому горностаю...

БАБЬЕ ЛЕТО

Нынче лето бабье знойное:
В каждом дне – за тридцать пять!
И дурманит непристойная
Обнажившаяся статья -
Золотистая, духмяная,
Перезревшая, увы...
Но вернувшая желанья,
Забродившие в крови!
Я дорожкой в сланцах шаркаю,
Не могу себя унять:
Бабье лето нынче жаркое,
Что казачка в тридцать пять!..

ПРОЕЗДОМ

Петру Туманцеву

Чуден водно-небесный экран,
Синь благу да дарящий...
Чёрный лебедь Азова – баклан -
Несравненный ныряльщик!
Он уверенно морем гребёт
По волнам-перевалам –
То исчезнет с поверхности вод,
То подлодкой всплывает.

Здесь загар у курортных наяд –
Обалдеют индусы!
А в прибрежной купели царят
Слюдяные медузы,
Вот одна подплывает ко мне -
Выше к солнцу погреться -
Сокращаясь в живой глубине,
Как открытое сердце...

Плотью солоно-сладок Азов
И целебно прохладен.
Но, вдыхая хмелящий озон,
Я с собою в разладе:
Я расстаться себя тороплю,
Путешествуя блицем,
С не испитым блаженством – в раю
Голубицком.

КАЛИНА ВЫЗРЕЛА...

Горит калина спелая,
Горчит калина сочная...
Была по маю белая
С пылью медово-солнечной.
Цвела калина истово
Невестой не кручинной,
Тянулась в небо чистое
Влюблёнными тычинками.

Дожди и грозы буйные,
И птицы-почитатели,
И ветры поцелуйные
Кудрявую лохматили...
Но – летние и яркие -
Летели дни округою,
Напитывая ягоды
Молочные, упругие!..

Щедра природа красками,
Да, жаль, не постоянными:
Явились дни октябрьские
Рассветами туманными...
Горит калина зрелая,
Свисает долу гроздьями,
Листовая побурелая
Пред близкими морозами...

ДЕБЮТ

Остапенко Александр,
Сочи

ЛЕКАРСТВО ОТ ОДИНОЧЕСТВА

В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всего намеренного, несправедного и пагубного...

цитата из клятвы Гиппократова.

– Приехали, Андрей! – водитель заглушил двигатель, зевнул, а затем толкнул в бок врача, придремавшего рядом, на соседнем сиденье. Исполнив свою часть работы, он сложил на рулевом колесе руки, одновременно откидываясь назад в кресле. «Может быть, удастся покемарить хотя бы полчаса, пока он там работает на вызове» – сверкнула робко в его мыслях надежда. Врач же встрепенувшись, ошалело огляделся по сторонам, не совсем понимая, где он. Наконец его взгляд упал на планшет, на его коленях. «Точно, вызов!» – вспомнил он. – «Улица Солнечная, дом 12, квартира 15. Блин, пятый этаж!» Мозг его вяло заработал, однако привычно всё быстрее и быстрее набирая обороты. Молодой доктор, кряхтя словно старик, вылез из автомобиля, привычно потирая больную спину и подхватывая жёлтый чемоданчик и аппарат ЭКГ. В домофоне бодрый голос старушки, которой якобы стало плохо сейчас ночью, заинтересовался – «Кто там?». «Скорую вызывали?» – устало осведомился Андрей. «Конечно, конечно!» – весело залепетала старушка. А ведь была надежда, что, не дождавись скорой, приехавшей к ней с опозданием из-за завала вызовов, бабушка уснёт, пропустив еженощный ритуал замера давления и приёма дежурной таблетки от скорой. «Не срслось!» – мрачно подумал доктор, входя в подъезд, пропахший кошками. Подъём на пятый этаж уподобился для него шествию на Голгофу.

Настроение испортилось окончательно, когда на вопрос «Что беспокоит?» бодрая старушка, уютно устроившаяся на диванчике, кокетливо пожав сухонькими плечиками, ответила:

– Да, ничего такого, сынок! Шумит в голове, да суставы болят... Так они, окаянные, постоянно болят!

Усталость в душе сменилась на раздражение нормального человека, которого тревожили не по делу. Чувствуя, как наливается праведным гневом, как презрев все этические принципы, он готов разразиться гневным монологом, Андрей неимоверным усилием сдержал первые, резкие слова. Раздражение не найдя выхода медленно, но верно перерастало в злость. Запасы гуманизма и человеколюбия стремительно испарялись. Чувствуя, что ненавидит эту бодрю старушечку, вызвавшую скорую в три часа ночи, доктор собирался, было, без проволочек записать паспортные данные, да измерив давление, поскорее свалить с вызова, как старушка зачистила:

– Вы извините меня! Я живу одна, муж помер в прошлом году, дети давно разъеха-

лись. Бессонница мучает, спасу нет! А тут я испекла пирог. Вкуснющий! С клубникой! Думаю, дай вызову скорую. Знаю, что вы беденькие и днем, и ночью работаете без продыху! Нас спасаете, и некогда вам ни присесть, ни поесть! Вот, думаю, кто бы ко мне не приехал напою его чаем, накормлю пирогом. Пусть хотя бы полчаса у меня отдохнёт.

Доктор сначала опешил, а затем просто задохнулся от гнева. Такого в его практике еще не было! «Дроперидол с фуросемидом!» – немедленно определился его разум с мстью злосчастной старухе. Но всмотревшись в невинные, немного озорные глаза бабушки и сложившийся язвительный монолог-отповедь в его голове рухнул, словно карточный домик. Ну, что ты будешь делать с такой старушкой? Лет ей далеко за восемьдесят, она со своей бесхитростной наивностью хуже всякого ребенка. Бабушка уверена, что делает хорошее дело, и переубедить её в обратном невозможно. Андрей плюнул в сердцах. Мысли в его голове после сдержанной волевым усилием эмоциональной вспышки вновь заворочались с трудом, словно какие-то неподъёмные валуны. «Наплевать ей на то, что сейчас три часа ночи, что я бы с удовольствием променял пирог на часок-другой сна на подстанции. ...С чем там пирог у неё? С клубникой?» И тут совсем некстати вспомнилось, что за его плечами сегодня подряд восемь вызовов, что с шести часов вечера он как уехал с подстанции так на нее и не возвращался, что наскоро съеденный обед давно уже переварился, что он устал как загнанная лошадь»

– Несите... – буркнул он, наконец, глядя в след моментально упорхнувшей на кухню старушке, смирившись со случившимся. «И врёт она все! Не больные у нее суставы, и давление её не мучает...» – подумалось раздраженно. Но вскоре ароматы свежей сдобы, уютный свист закипающего чайника перевели его мысли на совсем другие рельсы. Он посмотрел на часы. «Полчаса у меня есть. И пропади оно всё пропадом! Если случится, что-то серьезное... ДТП там, падение с высоты, или ещё что-то найдут меня диспетчера, как мильногого, выдернут с вызова. Дедушка или бабушка с давлением или артритом могут подождать, а вот травма или инфаркт нет...»

Пирог оказался выше всяких похвал! Неженатый доктор (ну какая личная жизнь, когда работаешь на две ставки, без проды-

ху?) в последний раз подобную вкусотищу ел, лет пять назад, когда приезжал к своей старенькой маме. Первый кусок молодой человек сам не заметил, как проглотил в мгновение ока. Старушка, обрадованная таким поворотом событий, подлила ему ещё горячего, терпкого чая. После второго куска, ей удалось разговорить хмурого доктора. Сам Андрей не заметил, как завязалась беседа со словоохотливой бабушкой, которая так сильно напомнила ему одновременно и маму, женщину в почтенном возрасте, и его бабушку, давно покинувшую этот свет. Говорила ни о чем, и сразу обо всем...

Аккуратенькая, чистенькая старушка страдала от самого страшного заболевания в её возрасте – от одиночества. Для неё этот ночной разговор лучше всякой магнезии и таблеток. Она говорила и говорила, подкладывая куски пирога доктору, ведала про свою непростую жизнь, про то, как проработала учителем, про покойного мужа. Про своих детей, что осели в поисках длинного рубля в далекой Москве, про мелкие, несущественные житейские проблемы, про последние новости, увиденные по телевизору, последние слухи, услышанные бог весть где. Доктор снисходительно слушал бабушку, отвечая на её неизбежные расспросы, неожиданно для самого себя, чувствуя как с его души спадает неведомый, тяжелый как пудовая гиря, камень. Ну, когда ещё он вот так просто говорил с кем-то? Работа лишала простого, человеческого общения. На вызовах один сплошной сбор анамнеза, с коллегами любой разговор скатывался к обсуждению опять же медицинских вопросов. Злость, усталость и раздражение, накопленные за последние сутки в его душе, да нет... пожалуй, за всё время работы на скорой пропадали, крадучись уходили в неизвестные дали, прятаясь по закоулкам подсознания. И не вспоминались ему сейчас проблемы. Не волновали вопросы об извечной нехватке машин скорой помощи, еще большей нехватки персонала, про низкую зарплату, про наглежащих день ото дня пациентов, на дежурство, про невыплаченный кредит, про вечно больную спину...

Спускаясь вниз по лестничному маршу, поправляя то и дело, сползавший с плеча электрокардиограф, Андрей внезапно с улыбкой подумал, что все-таки нельзя считать вызов ложным или безрезультатным.

Определенный терапевтический эффект имел место быть. Только вот в карте вызова, в графе «использованные медикаменты» ты не впишешь «лекарство от одиночества». Машинально отсчитывая ступеньки за ступенькой, доктор улыбался, впервые за сутки, просто так, лишь потому, что внезапно у него улучшилось настроение, и все проблемы мира стали несущественными. Вспоминая ночное чаепитие, охочую до разговоров бабушку, ее комнатушку, обставленную бедненько, но со вкусом и уютом, он решил, что сменившись сегодня утром, он отоспится, а затем возьмет какой-нибудь вафельный торт и перед следующим дежурством напросится в гости к бабушке попить с ней чаю. Благо адрес запомнил. «Лекарство от одиночества, – рассуждал он, – как терапию от гипертонической болезни необходимо принимать пожизненно, а главное систематически»

На следующем вызове Андрей столкнулся с двумя пьяными типами, которые выясняя извечный философский вопрос «А ты меня уважаешь?» в пылу ссоры порезали друг друга кухонным ножом. Меняя окровавленные перчатки, он мгновенно забыл про старушку, что угощала его пирогом. Светлое чувство из его души сгнуло, будто и не посещало никогда. Лишь утром, сменившись, память услужливо напомнила ему о решении вновь погостить у старушки. «Потом... Как нибудь! – решил Андрей, потирая слезящиеся, покрасневшие глаза. – Сначала домой. Выспаться по-человечески. Принять душ. Поесть». Чувствуя, себя не человеком, а просто млекопитающим, требующим исполнения простых, но таких жизненных потребностей как поесть, попить, поспать, он побрел домой. Выспаться ему в тот день не удалось. Позвонил начмед и очень настоятельно попросил выйти за кого-то в ночь. После ночной смены Андрей останется ещё на сутки...

К той бабушке, Андрей попал лишь три месяца спустя. Вспомнил он её далеко не сразу. В памяти работающих на скорой редко когда остаются отдельные пациенты, слишком много их проходит через руки врачей и фельдшеров. Привычно пытаюсь определить пульс и не находя его, Андрей сложил холодные руки старушки, с вздущимися венами поверх одеяла, отмечая, что пальцы с трудом сгибаются из-за посмертного окоченения мышц. Подхватив документы, он сел за стол, чтобы заполнить документы. Взгляд Андрея упал на блюдо с засохшим пирогом на столе. Как в ступоре он смотрел на невесть сколько пролежавший здесь пирог, от которого так и никто не отрезал кусочек, вспоминая тот ночной вызов к одинокой и оттого такой словоохотливой бабушке.

НАВСТРЕЧУ АПРЕЛЮ

Виталий Серков,
Сочи

ПАРОДИЯ

Пародии словесная игра –
Лишь подступ для укола иль укуса,
Когда топор играет роль пера
И не несёт изысканности вкуса.

Мила она возможностно шалить
И уходить легко в парадоксальность.
Ах, только б строки не пересолить
И не явить безвкусию и сальность!

Колючая, уродливая ветвь,
Поэзии нужна она, как йога,
Поскольку не даёт забронзоветь
Ни графоману, ни творцу от Бога.

ЗАПОЗДАЛАЯ ИСПОВЕДЬ

Обдираешь перья вместе с кожей.
От тебя уже не улететь...
...Голой я, ободранный и жалкий,
Проклинаю, кланяюсь, кланюсь,
Рассыпая розы и фиалки,
Бормоча, что больше не вернусь.
Всякий шаг мой в сторону, как в бездну...

АЛЕКСАНДРА

Александр Пошехонов

ИЗ КНИГИ «ПОРА»
Вологда 2011

На житейском пути,
непростом и тернистом,
Я тебе изменил и устроил делёж,
Но не знал, что окажешься
таксидермистом – *
Сразу оба крыла вместе с кожей
сдерёшь.

Нынче голый, голодный, ободранный,
жалкий,
Я признаюсь и задним числом зарекусь:
Хрен бы розы носил я тебе и фиалки,
И прибилась б к тебе навороченный гусь!

Рада ты в чугунок, словно в ад или
в бездну,
Потрошёную тушку мою поместить.
Только знай: я в желудке твоём
не исчезну
И в кошмарах ночных стану истово
мстить.

Появлюсь я бескрылым, худым
и небритым,
Обниму тебя так, что и рук не раззять.
– Разрешите мне хоть чулочком, сеном
набитым, –
Прошепчу, – у кровати твоей постоять...

*таксидермист – специалист по изготовлению чучел животных и птиц.

Николай Зиновьев,
«ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ»

В состоянии анабиоза
Я полночи стоял у окна:
Видел, как серебрилась берёза
И тряслась от мороза сосна.

От волнения плакали стёкла,
И потрескивал старый плетень
От того, что за тенью Софокла
Скрытно двигалась Тютчева тень.

Диск луны, освещая пространство,
Словно конь испугавшийся, ржал.
И ко мне бы пришло окаянство,
Да я фигу в кармане держал.

Всё вокруг находилось в ознобе,
И земной не работал закон.
Это крался Зиновьев к зазнобе,
Только тень не отбрасывал он...

Я пытался ещё шевельнуться,
Мне хотелось зазнобу спасти.
Удалось же – слегка улыбнуться
И шепнуть еле слышно: «Прости...»

РОСПИСЬ ПО СНЕГУ

...Природа – что ни говори –
Великий пейзажист,
И лишь она с моей душой
О вечном говорит.

Последний снег, как первый снег,
Простор для мудреца:
Ищи конец, рисуй свой круг
Земного бытия...

Александр Соколов
г. Вологда

ОТВЕТ

И мурка принесла котят...
...Я их в пакет, да и в корзину.
Иду к реке, топить несую...
...На суд на Божий попадаю.
Иль рай, иль ад. Я жду ответ...
«И мурка принесла котят»
Рай и ад – какая грусть...
...Там моих не будет чувств.
И ни солнца, ни дождей,
Что приносят вдохновенье.
Ни природы, ни людей...
«Рай и ад – какая грусть»

ПРОЗА

Владимир Кирпильцов,
КраснодарО ЧЁМ МОЛЧАЛА ГЕРБИ
(Отрывок из рассказа «Куда ушли сарматы?»)

Верная псина военного вождя сармат Хубана заработала прозвище Сучка Герби и тем гордилась. Ввиду занятости хозяина обороной городища-крепости от нашествия чужеземцев-готов, она была предоставлена сама себе и с беспokoйным рычанием и повизгиванием носилась, наблюдая за всеми событиями побоища. Готы помились попеременно то в одни ворота сармато-меотского поселения, то в другие. На валах – защитных палисадах от них отбивались в основном местные меоты, жившие уже давно бок-о-бок с когда-то пришедшими сюда сарматами. Они крепко стояли на совместно построенных укреплениях, хотя воины были так себе. Земледельцу от рала – разве что сбивать атакующих камнями со стен и у ворот, да ещё стрелами из луков и дротиками¹. А ещё успевать гасить пожары от зажжённых стрел готов. Ни на какой контактный бой они были не способны.

Основной отряд тяжёлой сарматской конницы – катафрактариев² в роговых и металлических доспехах – стоял и ждал у третьих ворот, самых слабых, ведущих через лощину в степь. Здесь сконцентрировались бывалые рубаки, изнывая от ожидания и жары, раскалившей доспехи не только на всадниках, но и на уже взмыленных лошадях. Им не терпелось открыть слабые ворота и кинуться по лощине в тыл готам. Даже Герби перебирала лапами от нетерпения – ну когда же это произойдёт!

Но её хозяин Хубан, который по обычаям звался скептухом – скорее, гуру – учителем, чем вождём воинов, был непреклонен – ещё рано. Отряд сарматских всадников слишком мал в сравнении с нашествием длинноволосых, лохматых, свирепых и широкоплечих ратников, умеющих драться и побеждать в контактном бою. Потому – стоять и терпеть, пока меоты со стен не перемелят хотя бы часть умелого войска врага.

Ближе к закату готы стали уставать, и скептух подал условный сигнал своему лазутчику за воротами, и тот сдвинулся вместе со сведениями о слабости ворот в лощине. Готы поверили не сразу, а послали своих лазутчиков. И только после их подтверждения со склонов лощины к воротам, как горох, посыпались озверевшие от утомительного боя готские воины. Им не пришлось осаждать ворота. Лишь по кивку головы скептуха ворота открыли сами сарматы, и навстречу сгрудившимся в лощине ратникам ринулась катафракт с копьями наперевес, имея преимущество – откосы лощины не позволяли обойти их небольшой, но ударный кулак с флангов. Трёхметровые тяжёлые копы с огромными наконечниками с первого удара пронзали кольчужных ратников, иногда нанизывая по два противника сразу. Оставив копы в пронзённых телах, сарматы ударились умело в мечи, точно попадая мимо шлемов в небольшую промежуток между плечом и горлом, кроша ключицу и шейные артерии. Длинный и тонкий сарматский меч колот и рвал ещё живые тела, разбрызгивая по лицам воинов и крупам лошадей свою и чужую кровь. А пробивавшие насквозь плоть тяжёлые стрелы и дротики обездвигивали тела ещё живых, но ожидавших смерть, как избавление от мучений.

Готы быстро поняли: они в капкане и, умело закрывшись щитами, организовали меткую стрельбу лучников из задних рядов. Лошади и всадники стали падать под ноги наступающей конницы, замедляя атаку сармат. Это позволило готам разорвать дистанцию контактного боя, чтобы уйти без дальнейших потерь вглубь степи. Скептух понимал, едва сдерживая порывы своих всадников: преследовать столь хорошо организованное войско не только бесполезно, но и опасно попасть в ловушку.

По сложившейся традиции после удачного боя он увёл своих чудо-всадников к

священному кургану, в котором по преданию покоился Великий сарматский царь племени сираков – Гатал³. Здесь они воздали почести священному мечу скимитару и завели громкую традиционную песнь-хвалу священному барану Хварно – символу таинственного божественного свечения над головой избранных воинов. И песнь зазвучала в ритмическом покачивании обнявшихся за плечи темноволосых обветренных и светлоглазых мужчин, испещрённых по старому сиракскому обычая красочными татуировками от ног до лиц витыми узорами рогов оленей и барашков, и устрашающими звериными корчами диких зверей.

После хвалы Богом песнь заканчивалась дерзким озорным почтением к воинскому братству сармат:

Хвала тебе! Хвала тебе!
Мой друг и кровный брат,
Ещё мы стоим у грани врат.
Спиной к спине! Спиной к спине!
Пусть дрогнет враг, узрев бесстрашие сынов Персиды⁴.

Пусть плачет враг – мы ж спляшем у ворот Аида!⁵
Да будет так! Да будет так! – мы спляшем у ворот Аида!

Только после этого мужского священнодействия Хубан позволил себе поморщиться от саднящей боли в разорванной готским копьем голени. Да тут как тут – прибежавшая к хозяину верная Герби. Она уже всё поняла, энергично заливая его рану, жилами шеи вытягивая в свою обильную слюну какие-то соки, быстро ослабляющие боль и спасая от заражения. Скептух расслабился, блаженно чувствуя облегчение на короткий «сучкин» отдых. Герби завилась хвостом и сопереживающе издала короткий тихий скулёрж удовлетворения хорошо исполненной работы и тут же куда-то убежала в степь, даже не спросив, как обычно, коротким тьякненьем разрешения. Убежала к «травкам» – лечебным и забирающим чужую боль и заразу.

Дома Хубан похлопал благодарственно по холке Кипариса – любимую лошадку, стройную ногами и военной стойкой-выправкой, и, не дождавшись её ответного кивка, устало рухнул на ложе. И уснул Скептух, всё ещё перебирая во сне дерганьем мышц перипетии боя и управляя бессловно понятливыми антеннами ушей Кипариса, быстро схватывающими и исполняющими манёвр хозяина. Лошадь мгновенно реагировала увёртками от летящих во всадника стрел, дротиков, копий и ударов меча.

Хубан проснулся от чего-то мягкого, пушистого и щекощущего щёку.

– Ха! Герби, да ты поймала жирного зайца! – собака сморщила нос. Она не любила фамильярности и предпочитала, чтобы её называли полным её достоинства именем – Сучка Герби!... А не просто и кратко – Герби.

Сноровистыми движениями рабыни Эринии, следившей, скорее, на правах далёкой родственницы, а не невольницы, за всем хозяйством скептуха, огонь быстро запылал под бронзовую закруглённую чашей котла. Его бронзовые ручки из рогов оленей и баранов – хранителей пищи от слеза, болезней и тёмных сил, отбрасывали красноватые блики от огня, освещающего благодарным светом одинокое жилище Хубана. Бурлил и благоухал парами вкусный обед... Любимые Сучкой Герби заячьи косточки были на этот раз так себе...

³ Гатал – легендарный царь сарматов в первой половине II века до н. э. Упомянут в «Истории» Полибия в числе европейских правителей, участвовавших в заключении мирного договора 179 г. до н. э. понтийского царя Фарнака I с рядом азиатских и европейских государств и автономных общин. По мнению некоторых учёных, происходил именно из Прикубанских сираков.

⁴ Историческая область Фарс (Парс; Парсуаш) в южном Иране, на берегу Персидского залива, откуда по преданию произошли сарматские племена.

⁵ В древнегреческой мифологии – бог подземного мира и царства мертвых, иначе Аид.

Хозяин ответил Герби мысленно: «Простите, о Сучка Герби, но ублажать мясо травами, как это искусно делает жрица Метей, я не умею!»

И тут же услышал в своей голове ворчащий ответ собаки: «А кто мешает объединить ваши котлы... и не только... но в одном жилище? И вам будет... чем развлечься по вечерам – и мне... вкуснее. Препятствуют тому разве что ваши глупые законы. Ой, только не надо отмазываться от собственных глупостей «Волей Богов!» Сучка Герби слегка икнула зайчатинной и важно ушла в свой угол, свернувшись калачиком, на заслуженный отдых...

Да, законы недопустимости соединения в одной семье воинской и жреческой власти препятствовали так и не высказанной любви Хубана к Метее. Она принадлежала только небесам и загадочным звёздам. Только вчера жрица и её тяжёлый жезл, говоривший с ночным небом широко растопыренными железными оленными рогами, предрекли необходимость ухода сармат и меотов из этих мест, и не только из-за нашествия готов. Она предвидела смертельную засуху, лютой голод и великие переселения народов от нашествий с Запада и Востока. Людям трудно было с этим смириться, и они решили сражаться, чтобы, если покидать родные места, то достойно, не оставшая в рабстве у готов своих детей и женщин.

Вечером перед уходом отряда Хубана на задуманный им упреждающий внезапный перехват готов жрица призвала скептуха в свои покои. Он и раньше здесь бывал по делам общины. Но сегодня на Метее не было скрывающей её прекрасные волосы накидки, подвязанной серебристой лентой на лбу. То был знак – быть желанной для избранного мужчины. Её волосы волнами дерзко раскачивали все запреты иплыли, иплыли навстречу желанию потонуть в объятиях – накрыть от посторонних глаз всплесками мудрей тайнство – стать женщиной, его избранницей.

Метей улыбнулась, сверкнув не только глазами, но и тёплой извиняющейся улыбкой любящей женщины, но не статусной владелицей воли всего племени:

– Сегодня перед тобой уже не жрица. Я отпустила свой народ в свободный путь. Увь! Не будет больше в этих местах ни сармат, ни аланов, ни сирако-меотского союза. Так велели Боги. И я теперь могу стать той женщиной, которая всю жизнь любила тебя, скрывая это даже от небес...

Кроме её вьющихся шелковистых волос, он ничего не видел и почти ничего не слышал, не переставая так неприлично долго гладить их. Разве что... Как сладко шелестят в ушах звуки дорогого материала падающего с её плеч платья, как аромат её дыхания покрывает всё его тело тонкими пальчиками, низвергая на пол его гремучие доспехи. Ой, как же они грохотали! Как торжествовали свободой обнять любимую женщину, благодатью освежить свои пересохшие давней любовью губы в её влажном поцелуе и тонуть... тонуть... тонуть в ней!... Осознавая только на пики яркими вспышками неведомый до этих коротких мгновений божественный полёт над всем сущим и уже не важным, кроме этого обоюдного взрыва радости, переходящей в такую непривычную нежность... Она всё ещё удивлялась восторженными прикосновениями её полуоткрытых губ его крепкой живой смуглости и дышащих силой мышц... А он рисовал и рисовал лёгким скольжением пальцев по её телу с отчаянной надеждой оставить этот рисунок в своей памяти... навсегда! Ну, хоть на кончиках пальцев!...

Они молчали, чтобы не прервать восторг мысленного и живого ощущения близости такими упрощёнными звуками несовершенной речи...

На выходе из дома Метей Хубана ждала Сучка Герби. Она сразу всё поняла, лениво поднимаясь с подушки из зелёного мха у ручья, и сладостно по-собачьи потянулась, разделяя блаженство свершившегося с хозяином каждой своей косточкой:

– Наконец-то! – прошелестело вердиктом в мозгу скептуха одобрение этой несносной, всё понимающей... ну слишком всё знающей и понимающей псины. Что делать – от врождённого у сармат умения без слов общаться с животными куда не уйти и не спрятаться. С ними надо быть такими же чистыми и честными, как и с людьми.

– Ты знаешь, как называют всезнаек-наставителей, которые лезут не в своё дело? – спросил мысленно собаку Хубан. – А-а, не знаешь! Такого... называют пестун. А таких маленьких и нахальных... как ты – ну просто вредный пестунец.

Собака, извиняясь, как можно ниже опустила уши чуть ли не до земли и, услужливо виляя хвостом, подошла к высокому кусту из больших розово-красных степных цветов, но не затем, чтобы по обычаю задрать заднюю ногу... Она многозначительно повела блестящим чёрным носом в сторону крытой веранды дома жрицы, где на столе стояла изящная серебряная Боспорская ваза. Хубан не стал спорить и нагнулся...

«Уж не за каменной?» – подумала простодушно испуганная Герби и спряталась под кустом. Но хозяин благодарно улыбнулся и вытащил из портупеи на голени короткий меч-кинжал...

Когда Метей вышла проводить взглядом энергичный стремительный ход скептуха, то увидела пылающие в серебре всполохи букета, нарезанного в честь только что случившегося в её жизни великого и удивительно светлого обнажённого откровения перед мужчиной, перед собой и своей любовью. Хубан уже скрылся за курганом. И только Сучка Герби неспешно трусила вслед с осознанием своей мудрости, важно виляя не только хвостом, но и всей задней частью: «Да ладно вам, не стоит благодарности за букет. Разве что... Впрочем, не будем о хорошо сдобренной траве зайчатине»...

Уходили, уходили из родного городища и сарматские и меотские семьи, подчиняясь высшей воле Богов, обнажённой в предсказании Метей-жрицы. Уходили, но без сарматских всадников и всадниц, коих наравне с мужчинами тоже было немало. У них другая доля – «таскать» за собой воинов готского царя Ватара-Буйвола, отвлекая их подальше от обозов беженцев, в основном из беззащитных женщин, детей и стариков.

Ещё целую ночь и день, и снова ночь гонялась за хвостами сарматских невысоких, но крепких лошадей конная гвардия самого Ватара-Буйвола, оставляя за собой убитых, чужих и своих. Злоба готов на этих уже немногочисленных всадников, жалаящих смертью тут и там, уже переросла всякие мерилла жестокой войны, превратившись в почти эротическое желание жуткой смерти упрямым сарматам. Но не сразу, а лишь в конце пиришества мучительной мести.

На заре следующего дня сармат загнали к броду, о котором Ватар-Буйвол был уже хорошо осведомлён. Он знал: за ним обозы уходящих мирных жителей – разве скроешь переход реки населением целого городища. Хубан и рассчитывал на эту приманку. Потому приказал уходить остаткам своих всадников к броду на полном скаку, да так, чтобы плотно подпустить к себе гвардию готов, повизгивающую от близкого пиришества дикой расправы. Это была последняя рискованная игра сармат со смертью. Ведь готы ещё не знали, что дорога прервалась накануне крутым обвалом.

Здесь совсем рядом когда-то стояла первая сиракская столица Успа, сожжённая римскими легионами дотла, до расплавленного стекла... вместе с преданными царями десятью тысячами меотов и сармат, сражавшимися до конца. Потому умереть здесь в сражении, вознесясь с героями Успы – разве не привилегия для воина? Дорога летела к реке и коварному обрыву, видимому только с близи. Туда и таскали сарматы за собой готов.

– Ну, Кипарис, не подведи, хоть летать мы с тобой и не умеем!

– Кто знает, хозяин, кто знает, куда вознесёт тебя верная лошадь, – подумала сама лошадь об иных мирах. И умная, тонко чувствующая сердце хозяина, уже летящего в небо к смерти, отважная коняга первой из сарматской конницы оторвалась от обрыва, перебирая в коротком полёте своими усталыми копытами воздух. Он оказался мягким и зовущим куда-то в небеса... Но как-то быстро закончился, уступая смертельной тверди.

ПРОЗА

Единственно, о чём сожалела переломанная и умирающая лошадь – так это то, что не успела попрощаться с частью своей души и тела – всадником, всегда восседающим над ней, цепляя мудрость неба головой. Тело лошади немело. И лишь память об управляющей, кормящей едой и лаской руке Хубана ещё светлела воспоминаниями, как хозяин её любил, покрывая красочными бусами, золотыми пластинами-фаларами и нагрудными бляхами... Это он заботливо закрывал её грудь, голову, лошадиный длинный нос металлическими пластинами, спасая от жёстких столкновений с острым металлом. И как блистал на ней верхом сам скептух, гордясь золотой фибулой на шее, смыкающейся у кадыка двумя оленными золотыми головами, да золотой нагрудной бляхой.

Всё правильно поняли сарматы, и их умные и преданные лошади, пролетая с гиком мимо кургана-святителя и кургана-жертвенника, на которых ещё недавно вершила беседу с небом Метея. С обрыва, отрываясь от земли, навстречу облакам неслись сарматские конники, радуясь несколько мгновением полёта над родным Варданом (ныне река Кубань).

Копьеносец с озорством догнал у обрыва свою жену-воина и, лихо вольтижируя, перехватил её на мягкую короткую попону своей лошади, отороченную по краям золотом так искусно, чтобы не потревожить того, кто восседает на ней.

Она ещё успела оценить драгоценно-торжественную роскошь и мягкость их последнего ложа, глубоко вдохнуть запах чужой крови, впитавшейся в кожу рукоятки его меча, и конского пота, соединившегося на сырой тёплой попоне в одно целое – дух сарматского мужчины! Она его глубоко вдохнула, и они летели в долгом последнем поцелуе прямо в небо.

Летающий впереди Хубан умер чуть раньше молодожёнов... Смерть оставила скептуху короткое осознание счастья содеянного, освободив от того, чтобы видеть гибель близких ему людей и лошадей – своих воинов – лучших всадников в мире.

Последнее, что видела Артаксис – жена Копьеносца, – это чёрный, отчаянно блестящий влобброта к хозяину – глаз его лошади, опьянённый чужой кровью, ещё дымящейся паром на копытах и боках. В нём светилась радость и невысказанный вопрос: «Ну, как? Я ведь не остановилась у обрыва, не подвела тебя за твою любовь ко мне».

Летели с кручи и падали, погибая, в едином порыве ветра сарматы. Но зато за ними вслед сыпались вниз, как горох, и волки Буйвола, слишком поздно пытавшиеся затормозить, сметаемые к тому же плотным напором сзади.

Говорят, сам Ватар-Буйвол подъехал к куче растерзанных давкой на берегу своих воинов и покачал с удивлением головой, обращаясь к одному из своих военачальников:

– С сарматами не надо воевать. Их стоит жестоко проучить и принять в готское царство. Мало ли, кто ещё придёт на эту землю.

Нет, не пошли готы через вздувшийся Вардан, над курганами которого ещё продолжали лететь грешные души сармат. Да ну их, с их тайнами... И дайте им Боги что угодно, только не упокой, которого не любят их кочевые воинственные души!

Ночная луна и Метея, собравшая своих воинов для погребения Хубана, застали под обрывом среди трупов только одно живое существо. Верная скептуху Сучка Герби где-то в степи поймала зайца и притащила его хозяину, надеясь, что он ещё немного полежит и всё-таки встанет, разожжёт под котлом огонь и одарит её любимыми косточками. Пусть без травных полезных и для собачьего организма приправ Метеи... Лишь бы встал. И когда поняла, что Хубан уже никогда не поднимется, то обнюхала его руку, запоминая её щедрость и любовное почёсывание за ухом... Всё-таки помогало от надоедливых насекомых. И вдруг поняла – не только от насекомых, но и от всех собачьих невзгод. И завывала она на луну таким страшным надрывным воем, что все волки, еноты и шакалы в округе в страхе бежали от ожидаемого пиршества. И только где-то высоко в небе эхом перекатывалась песнь сарматов:

Пусть плачет враг – мы ж спляшем у ворот Аида!

Да будет так! Да будет так! – мы спляшем у ворот Аида!

КРАСНОДАРСКАЯ ТЕТРАДЬ

Марина Самаркина

Мчит куда-то встречный ветер,
Выдув до помпезности
Целлофановый пакетик –
Символ бесполезности.
Он теперь всей жизни «вне»,
И судьбы нет хуже,
Если цел ещё вполне,
А уже не нужен.
Что-то ведь лежало в нём:
Было да и вышло...
И летит он день за днём,
Шелестя неслышно,
До ближайшей до метлы
Или уголочка
От людей, от суеты.
Съёжится комочком
И грустит не о своём:
Плоть его дрожала –
Ведь лежало что-то в нём!
Хорошо лежало!
И пакеты раньше жили,
Свой имея вес:
Их и мыли, и сушили,
А теперь – прогресс...
Пустота в нём и раздрай,
Гонит его ветер –
Ну давай же, удирай,
Маленький пакетик!

И от тоски, и не с руки,
Как от порога до порока,
Когда, пройдя вдоль всей реки,
Вернуться хочется к истокам.
И ты бы вспомнил все ходы,
Когда б не знал, в твои-то годы,
Что все круги от той воды
Уносят прочь другие воды...
А ты как будто належке,
Пока не выучишь урока,
Что тяжесть всю не в рюкзаке –
В самом себе нести до срока.
Что от строки и до строки,
Как от порока до пророка,
Светлеют вдруг черновики,
В которых ты не видел прока.
Что нет желаннее пути,
Чем от порога до пророка,
Когда случится пригубить
От настоящего истока.
Что нет обратного пути,
Чтоб и покаяться, и сдюжить...
Как в реку дважды не войти
В одну и ту же...

Я спускаюсь со всеми с трапа,
Ощущая в себе дорогу
Всем своим существом помятым:
Приземлились и – слава Богу.
Здесь пространство и время стёрты,
Каждый здесь по своим причинам...
Почему все аэропорты
Так собою неотличимы?
Я шагаю, как все шагали,
Здесь проездом – не просто блажь.
Без понятий и без регалий,
На колёсиках мой багаж.
Этот город большой и древний,
И гудит всё его нутро:
Эх, Москва – большая деревня,
Где полжизни – в метро!
Электричек шальная скорость,
Суетливость спешащих прочь,
И совсем незнакомый голос
Неожиданный: «Вам помочь?»
Всяк случаен здесь и непрошен,
Всяк здесь катится, как моя
Сумка чёрная в белый горошек,
Вся такая нелепая.
Откровением чьи-то лица:
Как я им со своей сумой,
С неумением с толпой слиться?
Я – в столице! Хочу домой!
Там – дела. Ну а здесь – делишки...
эСэмэСит моя мобила:
Лишний день, это даже слишком –
Ничего я здесь не забыла.
И слона-то я не заметила,
И сама-то я здесь невнятна –
Мне обратно из Шереметьево.
Мне – обратно.

Рвётся сердце и голос натружен –
Может, хватит рубить сгоряча?
«Никому ты на свете не нужен».

Ну и что? Вот и вся-то печаль?
«Нужен всем» раздирает на части
Ощущением, как, в сущности, мелок
Твой отдельный кусочек несчастный
Из разбитых по жизни тарелок...
И, сжимаясь в кулак или в кучку,
И, делясь на песчинки-крупичицы,
Вряд ли выберешь что-нибудь лучше,
Только всё-таки надо делиться.
Но то слепо, то глухо, то немо,
То боишься, то ждёшь перемен –
Вот и вся-то, по сути, проблема,
Так делись, и не будет проблем!
И, когда ты с собою не дружен,
И, когда ты делиться не рад,
А иначе: чем дальше, тем хуже –
Никому ты на свете не нужен...
Это, значит, ты сам виноват.

Ему твердили: «Приземлись,
Ты не в ладу с самим собой».
Он не смотреть старался ввысь,
Ведь там ОНА была звездой!
Но он склонялся над водой
И забывал про голоса
Под той, единственной, звездой,
Где отражались небеса.
Он тщетно вил своё гнездо
И верил всяким небылицам:
ОНА была ему звездой,
И он мечтал взлетать, как птица...
И, сквозь лучей её стекло,
Со страстью всей неутолённой,
Он ощущал почти тепло:
Он был наивный и влюблённый –
Не приближённый, не изгой,
А так, глядящий ниоткуда...
ОНА была его звездой,
И он надеялся на чудо.
ОНА была его бедой,
ОНА иначе не умела:
ОНА всегда была звездой,
Всегда светила, но не грепа.
Он брёл куда-то наобум,
Он брёл куда-то напролом,
Сквозь камнепад и бурелом,
И ничего не шло на ум...
И был окликнут он: «Постой!»,
Когда над пропастью висел –
И не была она звездой,
Но стала ВСЕМ.

Он стоит, как приклеен,
Хоть и рвётся вперёд:
В каждом городе Ленин
Тянет руку в народ!
Может, он не на страже,
А по всей, по Руси,
Он на площади каждой
Просто.... ловит такси?
Он в порыве неистовом
Так куда-то и прёт...
Столько лет уже выстоял,
А... никто не берёт.

Из всех полос сегодня – рельсы.
Взаправду или невсерьёз,
Ты погрузи или посмейся
Под стук колёс, под стук колёс...
Пускай плывут пейзажи мимо,
И натюрморты, и портреты,
Во всём пространстве обзримом,
Согласно купленным билетам.
На полустаночках забытых
И малосол, и пересол,
И выпит чай, и карты биты,
И гасят свет, и тянет в сон.
И где-то ты уже витаешь,
И, в россыпь вглядываясь звёзд,
О чём успеешь – помечтаешь
Под стук колёс, под стук колёс...
А лунный свет сквозь сон струится,
Сквозь занавешенные окна,
А поезд мчится, мчится, мчится,
Куда-то в ночь. И – дождь по стёклам.
С утра разбудит луч спящий.
Стоянка в несколько минут,
И поезд двинется, как ящер,
Под стук от ложечки звенящей,
На горизонт всегда манящий
Туда, где – ждут.

С родного берега не до побега...
Опять зима,
Штрихи деревьев на фоне снега,
Как письмена.

В них вся серьёзность и вся беспечность
И дней, и лет,
Летающих к звёздам,
С посылом в вечность –
В один букет!
На фоне снега,
На фоне зданий
И фонарей,
В изгибах веток Вселенной тайны
И всплеск кудрей
Без снежных шапок:
Едва качнётся от ветра гладь –
Тут и начнется! –
Проступят знаки!
И все – в тетрадь!
Я их считаю,
Я их срисую,
Чтоб разгадать...
И вместе с ними войду в весну я! –
Через тетрадь!
И будут: лето, и осень в беге
Всех листьев с дров,
И этот город
На фоне снега.
Один из всех.

Юрий Васин

ПОЭТ

Он с обнажённой головой
Бродил по утренним дорогам.
Он беден был, как Дух Святой,
Но в песнях славил имя Бога.

Открыта всем его душа –
Бери, что есть, не нужно платы...
А за душою ни гроша –
Она страданием богата.

В ней боль и горечь прошлых лет
И вой толпы, забывшей разум.
Куда не зная, брёл поэт,
Не покривив душой ни разу.

Без почитателей, один,
Перебиваясь с ржи на воду,
За нас он по миру ходил,
Неся спасение народу.

Он имя Господа воспел,
Хотя ему что дали боги?!
Одни лишь пыльные дороги –
Убогий нищенский удел...

Мы все честолобивы и мудры,
И разум наш безоблачен и светел.
И ярко вспыхнут истины костры,
От истины оставив только пепел.

И так у нас ведётся с давних пор –
Кто лезет с преждевременной идеей,
Того мы отправляем на костёр,
Все цели превращая в панацею.

Бог справедлив, хотя наш Бог суров.
Для болтунов различных оппозиций
Господь в достатке заготовил дров –
Хвала кострам священных инквизиций!

Ну, так и что произошло?
Да ничего – пустая ссора,
Которая, наверно, скоро
Закончится врагам назло.

Оборвалась живая нить –
Пустяк да беготня по кругу.
Мы лишь не поняли друг друга,
Кого же в этом нам винить!

Ну, так и что произошло?
Нет больше веры, нет надежды.
И будет всё не так, как прежде –
Наверно нам не повезло.

Я точки расставлял над «и»,
Хоть не имел на это право,
А ты униженно молчала –
Молчала о своей любви.

Ну, так и что произошло?
Нелепость, глупая ошибка.
И виноватая улыбка
Обезобразила лицо.

Но это к лучшему – поверь,
Ведь мы теперь другими стали.
И мы расстанемся... Едва ли
Нам нечего терять теперь...

УЛЫБКА ДНЯ

В краснодарской Художественной галерее «САНТАЛ» проходит персональная выставка живописи кубанского художника Михаила Архангельского (1937–2006), посвященная Международному женскому дню. Экспозиция включает 40 картин – цветочные натюрморты, весенние пейзажи, жанровые композиции, женские портреты.

Известный кубанский художник Михаил Валентинович Архангельский прожил счастливую творческую жизнь, мечтая о Красоте как первооснове бытия. Главным источником этой красоты являлась Природа, понимаемая и любимая им как прекрасная женщина. Природа и женщина всегда вдохновляли мастера.

Природу художник изображал празднично и экзотично. Она словно весенний сад, в котором цветут деревья и благоухают цветы. Сродни цветам образы женщин-бабочек, подобные гейшам из японских гравюр или одалискам из восточных сказок. Художник любил неожиданные ракурсы, уподобляющие женские прелести раскрытым бутонам.

Посланием мастера стала его последняя прижизненная выставка «Свет Земли – любовь», состоявшаяся в декабре 2005 г. в Художественной галерее «САНТАЛ».

Всё, что происходило после 3 декабря 2006 г., было уже без него. Персональные выставки Михаила Архангельского продолжали следовать одна за другой. Жизнь художника продолжается в его работах и памяти тех, кто его любит и помнит.

Михаил Валентинович Архангельский родился 4 ноября 1937 г. в Краснодаре. Его отец, участник Великой Отечественной войны, работал токарем высшего разряда на заводе «Октябрь», мать была санитаркой в Первой городской больнице.

Сразу после окончания Краснодарского художественного училища Михаил Архангельский уехал в Ленинград, где несколько лет был вольнослушателем в Ленинградском государственном институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина на факультете живописи – в мастерской народного художника СССР А. Мильникова.

В Краснодар М. Архангельский вернулся в 1968 г. уже сложившимся художником и сразу поступил на работу в краснодарский Художественный творческо-производственный комбинат.

Михаил Архангельский ценил дружбу. В период учёбы в Ленинграде он подружился с художником Владимиром Васильевичем Лубенко, ко-

торый был также родом из Краснодара, в 1963 г. окончил КХУ, а в 1969 г. – Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, а позднее преподавал в Ленинградском художественном училище им. В. А. Серова.

Лучших студентов училища В. В. Лубенко привозил на пленэр в Сочи. По приглашению Архангельского в 1979 г. группа студентов приехала в Детляжку, где и произошла встреча 42-летнего художника Михаила Архангельского (в то время он расстался с семьёй), с юной студенткой Марией Орлович. Их отношения развивались так стремительно, что предложение руки и сердца и согласие Марии завершилось созданием новой семьи и рождением двух сыновей: Александра в 1980 г. и Даниила в 1982 г., брак распался через семь лет.

1990-е гг. вихрем ворвались в жизнь художников. Свобода творчества оказалась пьянящей и для Архангельского. Надеялся, что мечты могут стать реальностью. Его манили путешествия по разным странам, а в советский период он смог побывать лишь в Болгарии.

В это время пришло признание почитателей таланта мастера. В 1991 г. он совершил поездку в Прагу, а с 1992 г. жил и работал в Греции. Благодаря наличию рекомендательных писем получил временную визу, снял мастерскую. Жизнь складывалась вполне успешно. В Греции Михаил Валентинович женился на гречанке Марии. Но в 1996 г. он вернулся домой один, снова резко изменив свою жизнь. Это была другая страна. Эйфории начала 1990-х гг. не осталось и следа.

Приближалась юбилейная дата, к своему 60-летию Михаил Архангельский готовился основательно, картин было много. Для художника юбилейная выставка – всегда ответственный итог творческого пути. Тогда он ещё не знал, что судьба готовила ему главный подарок – встречу с женщиной, музой и берегиней.

Лидии Васильевне Зайцевой тогда было 48 лет, она работала заведующей отделом искусства в Краснодарском доме книги. В сфере ее профессиональной деятельности было общение со многими художниками, которые регулярно приглашали на выставки. Она посещала

экспозиции и яркие вернисажи. Много видела картин Михаила Архангельского, однако с художником знакома не была. Их встреча на той юбилейной выставке оказалась не случайной и сразу соединила двух близких по духу творческих людей. Всё, что происходило затем в жизни Михаила, было связано с этой красивой и чуткой женщиной. Это ей он исповедовался о своих прошлых романах, делился радостями, неудачами, тревогами, рассказывал о своей любви к сыновьям. Она стала его другом и помощником.

Умудрённые жизненным опытом мужчины и женщины легко решали вопросы, которые молодым казались сложными. Лидия Васильевна мирилась с трудным характером Архангельского, его внезапной сменой настроения. Она выстраивала добрые отношения с его старшими сыновьями, Михаилом и Георгием, которые живут в г. Сочи, установила связь с Марией в Израиле и ее сыновьями, Александром и Даниилом. Эта женщина умело и тактично формировала у молодых людей образ их отца, достойный уважения.

Двенадцать лет нет с нами Михаила Архангельского, но его персональные выставки продолжают, и это заслуга преданной, любящей женщины – Лидии Васильевны Зайцевой. Ее усилиями сохранены работы, собранные и выверены биографические данные, бережно хранятся фотографии и стихи – всё для того, чтобы сохранить память о художнике и человеке Михаиле Архангельском, жизнь и творчество которого были наполнены большим непрестанным трудом.

Работы художника вошли в фонды Краснодарского краевого выставочного зала образительных искусств, Сочинского художественного музея, Тимашевского музея семьи Степановых, картинной галереи Кореновска, учебных заведений Краснодарского края, картинной галереи астронавта Чарльза Дьюка, Национальной галереи Франции, российского представительства в Ватикане, хранятся в частных коллекциях в России и за рубежом.

В фондах Краснодарского краевого художественного музея им. Ф. А. Коваленко находятся двадцать три произведения живописи и графики Михаила Валентиновича Архангельского.

Искусствоведы говорят, что Михаил Архангельский в своих пейзажах создавал образ райского сада, что он писал «потерянный рай». Это была главная концепция его творчества. Но как написать то, что тебе незнакомо? Кто знает, возможно, в самом художнике и был этот Рай...

Нина Стрижова,
директор Художественной галереи «САНТАЛ»

ВНИМАНИЕ КОНКУРС!

Краснодарское региональное отделение Союза писателей России при поддержке Министерства культуры края объявляет о проведении Краевого литературного фестиваля-конкурса «**Ты цвети, моя милая Родина...**». В фестивале-конкурсе могут принять участие авторы, проживающие на территории Краснодарского края, независимо от возраста и гражданства, профессиональной подготовки, известности, членства в творческих союзах, пишущие на русском языке.

Фестиваль-конкурс проводится в номинациях:
«Большая проза» (романы, повести);
«Малая проза» (очерки, рассказы, новеллы);
«Большая поэзия» (поэмы);
«Малая поэзия» (подборка стихотворений);
«Публицистика» (статьи, публицистические произведения);
«Литература для детей и юношества» (романы, повести, рассказы, стихи, ориентированные на юного читателя);
«Дебют» (произведения авторов, возраст которых не превышает 27 лет).
«Авторская песня».

Представленная работа должна соответствовать одной из следующих тем:
– «За други своя» – о казачьем братстве и быте казаков;
– «Святые родной земли» – о духовном достоянии Кубани.
– «Из одного металла лют медаль за бой, медаль за труд» – о героических и трудовых подвигах наших земляков;
– «Ветер с поля, ветер с моря» – о красоте родной земли;
– «Радетели земли кубанской» – о знаменитых земляках;
– «Где ты ходишь, друг мой милый...» – лирическое произведения.

Возможно участие одного автора в разных номинациях. Работы рассматриваются в следующих возрастных категориях:

- 14 – 17 лет;
- 18 – 27 лет;
- 27 – 59 лет;
- 60 лет и старше.

Подборки стихов, представленных на конкурс, не должны превышать 300 строк, рассказ, новелла, статья – не более 1 авторского листа (40 000 знаков с пробелами). Работы принимаются в электронном виде в формате документа Word, шрифт Time New Roman, размер шрифта 12. Работа сопровождается следующими данными:

имя автора (псевдоним);
название произведения и жанр;
возраст и место проживания автора, электронный адрес, контактный телефон.
Соискатель гарантирует, что является автором произведения, и авторское произведение ранее не занимало призовых мест.
Заявки принимаются в электронном виде с 1 марта до 15 ноября 2019 г. на адрес: snmakarova@mail.ru с пометкой «Милая родина».
Подведение итогов конкурса пройдет в декабре 2019 г. Победители конкурса получают дипломы и ценные призы.

Краснодарское региональное отделение Союза писателей России при поддержке Министерства культуры края объявляет о проведении краевого литературного конкурса для студентов и школьников «Наш черёд жить на этой земле». Приглашаем принять участие авторов литературных произведений в возрасте от 12 до 18 лет, проживающих в Краснодарском крае. На конкурс принимаются рассказы, очерки, эссе на свободную тему, а также стихи и поэмы. Объем поэтических произведений не должен превышать 200 строк и не более пяти произведений. Объем прозаических произведений не более 10000 символов, включая пробелы и знаки препинания.

Подача заявки для участия в конкурсе в электронном виде с указанием Ф. И. О. автора, возраста, места проживания на адрес: snmakarova@mail.ru Сроки подачи заявки с 1 марта до 1 ноября 2019 г. Подведение итогов конкурса пройдет в ноябре. Победители конкурса получают дипломы и ценные призы.

Готовите книгу к публикации? К ВАШИМ УСЛУГАМ:

- ПОЛНАЯ ДОПЕЧАТНАЯ ПОДГОТОВКА КНИГ:
ДИЗАЙН, ВЕРСТКА, КОРРЕКТОРСКАЯ ВЫЧИТКА
- ПЕЧАТЬ КНИГ В СОВРЕМЕННОЙ ТИПОГРАФИИ
- ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА В ПОДАРОК:

- Информация о книге в журнале Городская Афиша Краснодар
- публикации на сайте Городской Афиши и в социальных сетях
- организация презентации книги в г. Краснодаре
- сайт книги

ИЗДАЕМ КНИГИ С 2002 ГОДА
Звоните ☎ 8 (861) 255-99-91 www.rdk1.ru

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС-14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России;

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. ул.Коммунаров, 58

Издатель: ИП «Кириллица»

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. ул.Коммунаров, 58
ИНН 213208979906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), С. А. Лёвин..

Компьютерная верстка
и художественное оформление: А. Прокопенко
Корректор: Ю. Полушина

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Адрес для отправки корреспонденции
350000 Краснодар, ул. Коммунаров, 58
тел.: 8(868) 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах
<http://sites.google.com/site/sprosia>
и <https://sites.google.com/view/krospr-gazeta>
и Краснодарской краевой универсальной
научной библиотеки им. А. С. Пушкина
www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флер-1»

г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2
8(861) 274-10-74

Заказ № _____

Подписано в печать
31.02.2019 г.
по графику в 10.00,
фактически в 10.00.

Тираж: 999 экземпляров
Цена свободная